

Ирэн Борецкая

Домбрылыч



Ирэн Борецкая Домбрылыч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68907210

SelfPub; 2023

Аннотация

Ночь. Улица. Парень и девушка. Он не знает ее, она не знает его, но между ними будто чиркнет спичка. Достаточно ли одной искры, чтобы разгорелся пожар? У них есть один день, чтобы пережить то, что никогда не повторится. Утро расставит все точки. Сборник рассказов "Домбрылыч" это поток мыслей автора и истории, основанные на реальных событиях. Не картонные герои и искренние переживания. Маленький кусочек из жизни, заставляющий иначе взглянуть на свой внутренний мир.

Содержание

Запиши на память	4
Зая Петербург	11
Трудности перевозок	15
Старый шкаф	18
Домбылыч	21

Ирэн Борецкая Домбрылыч

Запиши на память

У каждого человека есть свое дерево. Мое – яблоня. Нежное облако белых цветов в июне. Их запах будоражит и возрождает меня к жизни. Так тепло. Я обнимаю ветки, слегка царапаясь о маленькие колючки. Ах, ты же, такая хрупкая, маленькая, но с едва заметными шипами.

Почему сегодня не июнь...

Я тысячу раз видела, как обустривают парк. Лишние деревья стирают с лица земли. Оставшимся – обрубают макушки и разросшиеся ветки, наспех замазывая раны зеленым антисептиком.

И вот эти две-три калеки боятся лишний раз вздохнуть, шевельнуть листочком, стоят вдоль асфальтированных до-

рожек, как недоделанные скульптуры в музее: обезглавленные, безрукие. Все во благо человечества. А когда будет во благо природе?

Три года назад я видела, как асфальтируют мою душу. Сад, возвращаемый годами. Сад, открыто и дружелюбно принимающий как солнечные лучи, так и град из камней-слов, безжалостно убивающий зеленые ростки на корню.

Сначала экскаваторным ковшом под названием "лицемерие" выкорчевали деревья. Затем катком коррупции прошлись по земле, перекрывая ей кислород. Корни придавили железными ногами скамеек – мол, заходите, люди, садитесь, щелкайте свои семечки...

От растерянности я не знала, как с этим бороться. Просто наблюдала, как меня убивают. Но я... выжила. И запомнила на всю жизнь, каково это: идти без брони против системы. Теперь сад моей души под охраной. И, чтобы добраться до лесополосы, где легко дышится, и растут реликтовые деревья, вам сначала придется сделать несколько кругов по асфальту, и найти волшебную дверь.

И, да, я больше никому не позволю проехаться катком по моей душе.

Чтобы не потерять ни одно из драгоценных воспоминаний, я записываю все в тетрадь.

Я пишу из трамвая.

Есть в иркутских трамваях одна отличительная особенность: они вдохновляют на размышления и будят фантазию. Мирно покачиваются с боку на бок, но при этом важно гремят и скрипят механизмами, как старые и забытые игрушки, напоминая о себе. Мол, я еще еду. Еще могу. Главное, не заглохнуть.

Несмотря на скрип и прочий шум, в трамваях меня ничего не отвлекает от созерцания. Самой себя, людей вокруг, мира за окном. Мой внутренний автор жаждет историй.

Я сажусь у окна и готовлюсь сочинять. Выбираю объект. Ага,шла. В левом переднем ряду сидит кондукторша в необъятном казенном синем пуховике и милом, слегка ли-

нялом вязаном берете, из-под которого торчат в разные стороны взлохмаченные пряди непонятого оттенка.

Мысленно нарекаю кондукторшу Марьиванной, это мой любимый образ. Залезаю в её душу через усталый взгляд, как в зияющую темноту приоткрытой форточки. Нет, я не собираюсь там ничего воровать. Просто похожу немного по комнатам, зажгу свет в спальне, достану старый фотоальбом и перелистаю. Вот это фото мне нравится. Это она в молодости. Улыбчивая девушка с русым хвостиком, смотрит в объектив взглядом, полным доверия и беззаботности. В этот миг она любит мир и того, кто фотографирует...

Кондукторша вздрагивает, будто тоже увидела это фото в себе. Встречается со мной вспыхнувшими вдруг глазами, я же две минуты назад зажгла в ней свет. Я улыбаюсь, ведь теперь я знаю ее тайну. Она улыбается в ответ.

Встает, подходит и говорит низким, слегка простуженным голосом: "Проезд оплачиваем!".

Сказка рассеивается. Я вылетаю из ее души через рот вме-

сте с этой фразой, словно меня прогнали.

Ну и ладно. Не очень то и хотелось. Есть еще... раз, два... пятнадцать пассажиров, к которым я за эту короткую поездку не единожды мысленно залезу в голову и наведу там свой порядок. Иначе для чего еще нужны трамваи?

Я – сгусток энергии, белый светящийся шар, летящий по ночному городу. Залетаю в свое тело, как гость, иностранка, впервые прибывшая за рубеж. Осторожно открываю глаза. Моргая, смахиваю остатки полета с сонных ресниц. Осматриваю чужую себя.

Тело как тело. Худые ключицы, тонкие запястья. Холодные ступни. Под одеялом тепло. Но еще теплее от тела рядом. Я лежу головой на твердом плече, и рукой обнимаю другое тело за торс.

На моей руке много родинок. Все они хаотично разбросаны, как будто кто-то тыкал коричневым карандашом наугад. Но, когда я обнимаю другое тело, моя рука сгибается в локте, и родинки с двух половинок соединяются, образуя букву

"W". Созвездие Кассиопеи.

Пальцы другого медленно ведут по букве, повторяя ее контуры.

– Ты мое небо... – шепчет он тихо, но мои уши улавливают каждую вибрацию его голоса.

Из темной глубины подсознания вдруг нахлынивает поток щемящей нежности. Секунда. Плоти́на прорвана. Обычная комната, обычное утро, обычные сонные тела... все представит под другим углом, будто подсвечивается невидимым цветными фонариками моих глаз.

Так мало надо для волшебства. Просто проснуться там, где любят.

Просто идти за своей мечтой.

Порой я бреду за своими мечтами, как за клубком ниток в лабиринте Минотавра, ища выход, но еще больше запутываюсь в мире своего подсознания. Каждый ход обманчив, и

ведет в тупик. В самый центр тьмы.

В ее гуще зловеще светятся желтые глаза монстра. Мне страшно. Где мой внутренний Дзидзо? Почему не защитит меня?

Я силюсь заплакать, но глаза сухи, как земля после затяжного зноя. "Боже, помилуй мя...".

На потрескавшихся стенах проступают светящиеся буквы. Истина. Я судорожно касаюсь каждой буквы ладонью и с каждым шагом собираю Слово. А слово в фразу. А фразу в предложение. И так, потихоньку собирая весь текст, выхожу на свет. Вздых облегчения.

Однажды из букв я сплету цепь с булавой на конце и сделаю щит. Бойся меня, мой демон. Ибо, проиграв сражение, я еще не проиграла войну. Победа будет за мной...

Зая Петербург

Есть у меня знакомый. Я зову его Ксан Ксаныч, как в фильме "Девчата". Тихий, лысеющий интеллигент в круглых очках. С виду мягкотелый, но на деле обладающий способностью достать кого угодно и что угодно благодаря маниакальному упорству и связям.

По профессии Ксан Ксаныч логопед, но летом подработывал репетитором русского языка для всех желающих.

Одной из таких желающих стала уроженка Монголии Мунхзаая какая-то там ага. Ага – это приставка к имени, обозначающая статус. Ксан Ксаныч в подробности вдаваться не стал и записал ее в своем ежедневнике как Зая Петербург. Петербург – потому что в один из ВУЗов этого города девушка планировала поступить.

Тогда еще не было мороки с ЕГЭ и все сдавали экзамены, как нормальные люди. Зая подала документы в три университета в г. Иркутске, Красноярске и Санкт-Петербурге, но мечтала все таки попасть в последний.

"Что у них там своих университетов не хватает!" – с досадой подумал Ксан Ксаныч, увидев Заю в первый раз. Он предпочитал поддерживать отечественного производителя и помогать местным студентам. Впрочем, родители Заи неплохо платили, и он смирился. К тому же смотреть на Заю было приятно: высокие скулы, миндалевидные глаза. Осторожная и молчаливая, она чем-то напоминала коосулю, забредшую в незнакомый лес.

А вот с русским у Заи действительно была беда. Если буквы она ещё хоть как-то старательно выводила, усердно нажимая на карандаш левой рукой, как первоклассница, то устная речь давалась ей с большим трудом.

Как назло за окном пролетал хмельной июль, монгольской девичьей душе хотелось просторов и свободы. Сжалившись над несчастной, Ксан Ксаныч перенес один из уроков к себе на дачу. В быту Зая активизировалась: прополочила и полила грядки, настрогала салат из тепличных помидоров и огурцов, и заварила вкусный чай из листьев мяты, смородины и клубники.

Ксан Ксаныч разомлел и пристроился в гамаке с томиком

Есенина. Зая присела рядом на траву, оперевшись спиной о ствол дерева, державшего гамак. Учитель читал вслух, ученица впитывала информацию, слегка прикрыв глаза в полудреме. Ксан Ксаныч наблюдал за ней незаметно: тугая коса на плече, платье в пол. Почти что русская девушка после работы в поле. Сердце учителя щемилось от нежности.

Откуда ни возьмись, в огород влетела огромная собака и бесцеремонно помчалась по аккуратным грядкам вслед за воображаемой кошкой. Ксан Ксаныч стремглав соскочил с намерением прогнать разбойницу, но запнулся об Заины вытянутые ноги и начал падать. Зая оказалась проворнее, спасла учителя от падения, усадила его спиной к дереву, на ходу подобрала с земли кусок какой-то веревки и, соорудив что-то вроде ковбойской петли, поймала собаку и отвела к соседям.

Тут Ксан Ксаныч понял, что окончательно и бесповоротно влюбился, и даже разница в 30 лет уже не казалась ему непреодолимой пропастью.

Языковой барьер был сброшен как и одежды. Заины волосы цвета вороного крыла разметались у Ксан Ксаныча на груди. Скрытые от посторонних глаз зарослями малины и жи-

молости, новоиспеченные влюбленные проспали обратную электричку.

Позже, сидя в прохладе сумерек после вечерней бани и смущенно улыбаясь, Зая шепнула ему по-русски:

– Я будь твоя зина?

"Жена" – догадался Ксан Ксаных и рассмеялся счастливо, вслух поменяв ударение в "зине" на первый слог. С тех пор имя Зина навсегда к Зае прилипло и получала новый паспорт она как Зинаида Горелик с квадратной печатью в графе "семейное положение". А через год Зая-Зина уже отлично шпыхала по-есенински, обдавая великим и могучим русским языком, словно кипятком, акушерок в роддоме, тем самым доказывая свою решимость родить сына в половине двенадцатого ночи 31 декабря.

Но это уже совсем другая история...

Трудности перевозок

Раз в неделю мы с сыном занимались экстремальными видами спорта – устраивали заезд на сверхскоростных дребезжащих маршрутках от пункта "дом" до пункта "дом бабушки". Обычно мы заплывали в автобус вместе с дикой рекой из людей, а на нужной остановке автобус брезгливо выплевывал нас на улицу, как шелуху от семечек.

В тот солнечный летний денек было непривычно тихо и спокойно. Сын сел у окна, я рядом. Оба посредством наушников телепортировались в волшебный мир музыки. Идиллия длилась недолго.

Уже на следующей остановке пазик, кряхтя и важно переминаясь сбоку на бок, набился битком, и в мой беззащитный висок то и дело тыкались выпуклости стоящих пассажиров, а голые мои колени кто-то все время колот острыми углами пакетов и сумок. Блаженствовать от музыки при таком дискомфорте было невозможно. И тут на мое спасение на одной из остановок вошла тетя-шкаф, загородив меня крепкой стеной от жестокости мира. "Ура!" -мысленно улыбнулась я и приготовилась дремать. Зря надеялась. Тетя-шкаф доверчиво положила свою необъятную гирю-грудь на мое правое

плечо и пробасила, кивая в сторону сына:

– Может, мальчик уступит мне место?

Нет, вы не подумайте! Я учу сына уступать место пожилым, беременным, инвалидам и матерям с детьми на руках (собственно, меня учили также). Но тетя-шкаф ни под одну из этих категорий не подходила. Скорее она была из разряда "борща на скаку настрогает, пельмень одной левой согнет".

Я с опаской оглядела салон автобуса, больше похожий на бетономешалку из давящей людской массы и представила 146 см неокрепших детских косточек и хрящиков в этой безжалостной трясущейся машине. Моя шея после ДТП тоже не простила бы мне неоправданного героизма. Материнский инстинкт и чувство самосохранения переселили принципы воспитания.

-Сядь ко мне на колени, тетя хочет сесть... – обратилась я к сыну.

Сын смерил взглядом тетю-шкаф и посмотрел на меня с недоумением, однако послушался. Оставшийся час поездки мои колени испытывали перегрузку в 34 кг отборной человечинки, плюс рюкзак, плюс планшет с наушниками.

С тех пор я полюбила такси.

Старый шкаф

На заброшенном чердаке многоквартирного жилого дома жил да был платяной шкаф. Краска на его деревянных боках давно облупилась, дверцы скрипели и еле держались на ржавых петельках. Зеркало на одной из дверей треснуло и запылилось.

Шкаф не помнил, как оказался на чердаке, и давно ли он там стоит, зато помнил мальчика лет шести с невероятными голубыми глазами и смешными вихрами русых волос. Мальчик часто прятался в шкафу, когда ругались его родители. Шкаф замирал, когда слышал, как отчаянно бьется сердечко маленького человека, но не знал, чем помочь. Он лишь крепче сжимал дверцы, чтобы мальчику было теплее и не так страшно внутри.

Где этот мальчик теперь? Что с ним? Шкаф грустил и поскрипывал дверцами. Неизвестно, сколько прошло времени, но однажды на чердак пришли какие-то люди. Они измерили шкаф линейкой вдоль и поперек, а на следующий день забрали его к себе домой.

Мужчина починил дверцы и обновил зеркало. Женщина – покрасила шкаф свежей краской и покрыла лаком для дерева. После шкаф стоял у стены, сиял и не понимал, за что ему такое счастье.

В один из вечеров шкаф услышал топание маленьких ножек по полу. "Мой мальчик!" – подумал шкаф и растрогался, предвкушая встречу, но это была девочка лет четырех с задорными ямочками на щеках. Девочка быстро залезла в шкаф и притихла.

В коридоре раздались тяжелые мужские шаги. Шкаф в страхе сжал дверцы, чтобы уберечь свое маленькое сокровище. Мужчина резко зашел в комнату, заглянул под кровать, за шторы и подошел к шкафу. Шкаф замер, привычно ожидая удара и треска разбитого зеркала.

Но мужчина лишь осторожно приоткрыл дверцы:

– Ага-а! Нашел! Иди ко мне, принцесса моя!

Девочка счастливо захохотала, а мужчина подхватил ее на руки, переодел, уложил в постель и нежно поцеловал в лоб.

– Приятных снов, милая!

Посидев на краю постели и подождав, пока девочка уснет, мужчина снова подошел к шкафу, всмотрелся в зеркало и пригладил ладонью выбившуюся русую прядь волос.

И тут шкаф заметил знакомые голубые глаза... они слегка потемнели, в их уголках наметились мелкие морщинки, но шкаф узнал их!

– Ну, здравствуй, старина! – шепнул мужчина, прижавшись лбом к прохладной поверхности зеркала – Ты охраняй ее, хорошо?

"Хорошо! Обещаю" – подумал счастливый шкаф и держал свое обещание еще много-много лет.

Домбрылыч

Все знали его как Домбрылыча. Кто дал ему такую кличку и зачем – никто уже и не помнил. Что касается других характеристик, Домбрылычу досталась убийственная смесь мужественной внешности и абсолютно наивной, детской души. Светло-карие глаза его лучились светом, а открытая миру улыбка обезоруживала, но он редко кому это демонстрировал. Многие считали парня личностью "не от мира сего", но в лицо никто не решался сказать – Домбрылыч мог запросто уложить любого одним четким ударом здорового кулака.

Применение силушке богатырской нашлось сразу после техникума – Домбрылыча взяли на работу в охранный агентств. Не охранником, нет. Кочегаром в котельную предприятия (тогда все экономили на теплоэнергии). Жил он там же – в маленькой комнатухе при котельной, с телеком и рыхлым диванчиком, на котором ни разу не бывало женского тела...

Чтобы как-то это исправить, мужики всячески пытались познакомить Домбрылыча с прекрасной половиной челове-

чества. Однако кроме приятных округлостей бутылочки пивасика по выходным руки Домбрылыча до 30 лет так никого и не гладили.

Однажды в день получки начальник караула сунул парню визитку с контактами агентства "интим услуг" и, подмигнув, пробасил:;

– Забей там пару голов, чемпион!;

А охранник Юрка на всякий случай подкинул пиджачок моднявый от Армани китайского пошива и туфли (шик и блеск!).

Какой-то внутренний стоп-кран тормозил Домбрылыча, когда он стоял перед зеркалом в пиджаке поверх адидасовских спортивных штанин.

Покрутив в руках визитку (а пахла она – ммм, какой то невероятной цветочной эссенцией), Домбрылыч наконец позвонил.

Грубоватый прокуренный женский голос чуть было не спугнул его, но женщина всего лишь поинтересовалась, какую девочку прислать: брюнетку, блондинку, рыжую...

— Красивую... — ляпнул Домбрылыч и назвал адрес. Через час под окнами взвизгнули тормоза, застучали каблучки по весеннему асфальту. Сердце Домбрылыча на секунду ушло в прятки, когда в дверь его комнатушки уверенно поскреблись.

Проститутки всегда представлялись Домбрылычу размазанными девами в черно-кожаном одеянии, бездной разврата в прищуренных глазах, и поэтому он слегка удивился, когда открыл дверь и увидел на пороге девчонку лет 20, в бледно розовом пальто, из-под которого выглядывало цветочное платьице.

Она впорхнула в его холостяцкую берлогу, маленькая ростиком, хрупкая девочка, с облаком русых волос на плечах, и комната сразу наполнилась светом, летом и нотками белого чая с жасмином.

Скинув туфельки, она забралась на его кровать с ногами.

Стоя, прошлась указательным пальчиком по прикроватным полкам, словно ощупывая и изучая каждую деталь. Домбрылыч скользнул взглядом по её ножкам в капронках, чуть задержался на тонких щиколотках, аккуратных ступнях... Он все ещё не верил, что это чудо приехало его удовлетворять.

Она первая нарушила молчание, спрыгнула с кровати и с детским восторгом кинулась к плакату группы "Гости из будущего" на стене:

– О, слушаешь? Обожаю эту группу!

Потом повернулась к нему и улыбнулась нежно, одновременно протягивая ручку:

– Катя.

Домбрылыч накрыл её ручку своей грубокожей ручищей и слегка сжал пальчики.

– А у меня нет имени. Придумай сама...

Катя посмотрела на него внимательно и сказала без тени насмешки:

– Ок, ты будешь Сказочник!

Домбрылыч засмеялся.

-Я? Сказочник? А почему?

Катя взяла его за рукав пиджака (который кстати был ему коротковат) и заставила покрутиться.;

-Ну потому что ты похож на писателя! Тебе бы трубку, кресло, камин и бумагу с пером на дубовом столе...

Домбрылыч поразился её воображению. Как-то он по-другому видел встречу изголодавшегося по плотским утехам мужика и проститутки. Катя прочла это на его лице, скинула пальто на пол.

– Ну, время идёт. Будем дело делать или разговоры разговаривать?

Как бы она не бравировала, он видел – ей совсем не этого хочется. Усилием воли подавив в себе зашкаливающее физическое желание, Домбрылыч поднял пальто и бережно в него её укутал.

– А поедем, мороженое поедим?

Катя ошалело моргнула.

– Сейчас? А как же... но время... а деньги... Там же Борзый, он прибьет...

– Я разберусь.

Домбрылыч взял Катю за руку, другой рукой нащупывая в кармане штанов шуршащие купюры своей зарплаты.

Они спустились на улицу. Во дворе стояла белая Хонда, за рулём – лицо бандитской наружности.

– Постой тут, – шепнул Домбрылыч Кате, подошёл к машине и постучал в лобовое стекло.

– Чо, все уже? – высунулась грозная рожа.

«Вот сука, бьёт, наверное, девчонок», – подумал Домбрылыч, и желваки со злости заиграли у него на скулах.

– Ты Борзый?

Борзый смерил взглядом нехилое телосложение, и быко-

ватость свою спустил на тормозах.

– Ну, я... а чо?

– Я её на всю ночь беру, – на всякий случай Домбрылыч закинул в щель лобового стекла пару тысячных купюр, – это аванс.

Борзый хмыкнул довольно и кивнул.

Домбрылыч подхватил ничего не понимающую Катю на руки и занёс обратно в помещение. Скинул покрывало с кровати и принялся связывать простынь с пододеяльником

– Не раздевайся, мы сбегает... На всю ночь.

Катя сияла. Никто никогда не просил её сбежать с ним. Страх и адреналин боролись в её крови, последний взял верх.;

Домбрылыч открыл окно, повязал один конец самодельной веревки на батарею, а другой скинул вниз.

– Третий этаж, я боюсь... – доверчиво сказала Катя.

– Не бойсь, я же Сказочник. Сказки не заканчиваются плохо...я полезу первый, и тебя поймаю...

Годы тренировок в физтехе не прошли даром, и Домбрылыч ловко спустился вниз.

Катя все ещё робко выглядывала в окно.

– Давай! – подбодрил её Домбрылыч и раскрыл руки, показывая, что готов ловить.

Катя перелезла через подоконник, держась за веревку. Пальто и платье задралось, обнажив белеющие на фоне сумерек трусики. Домбрылыч зажмурился. Нет, только не это... Опять невероятное по своей силе желание. Если сегодня он не займется сексом, то умрёт от передозировки тестостерона. "Соберись, тряпка!" – приказал он себе.

– Эй, ты ловишь там? – крикнула Катя и спрыгнула.

Ноги ее в капроновых колготках, а затем и попа прошли через руки Домбрылыча электрическим разрядом. От неожиданности парень не смог устоять, и рухнул со своей драгоценной ношей прямо в подтаявший сугроб.

– Не ушибся? – Катино лицо было совсем близко. Ещё секунда, и состоялся бы поцелуй. Но Домбрылыч вовремя вспомнил о своей миссии – развлекать Катю, а не соблазнять.

Они вскочили и побежали по улице, хохоча, как подростки, убегающие из магазина, где своровали какую-нибудь мелочь. Запрыгнули на остановке в полупустой троллейбус. Вышли в центре. Яркие огни витрин, суета в окнах, говорили о том, что город ещё не спит...;

На входе в ресторан охранник загородил им путь:

– В таком виде нельзя!

– А так? – пара тысяч из кармана Домбрылыча плавно переехали в нагрудный карман охранника.

Охранник расплылся в приторно-сладкой улыбке:

– Добро пожаловать!

Домбрылыч до этого не посещал рестораны, но какое-то внутреннее чутье ему подсказало, что надо сначала предложить даме сесть и пододвинуть стул ближе к столу.

Они заняли столик у окна. Невдалеке за белым роялем девушка играла классику.

– Что ты будешь кушать?

– Фрикассе из кролика в винном соусе, – пошутила Катя
– Бабки то есть у тебя, миллионэр?

– На Шато Пальто конечно не хватит... – улыбнулся Домбрылыч, – если что, натурой рассчитаемся. На крайний случай сбежим, уже испробовано...

– А ты забавный... – Кате все больше начинал нравиться этот парень.

– А ты не похожа на... – Домбрылыч осекся, боясь обидеть.

– Проститутку, ты хотел сказать?

Подошедший официант на минуту смутил их прилизанной стерильной внешностью (специально под статус ресторана набирают, видимо)

Катя решила поиграть в приличную даму и бросила фразу на идеальном французском. Теперь смутился официант.

– Простите, я не понимаю...

– Леди хочет фрикассе из кролика в винном соусе,– давя смешок, подыграл Кате Домбрылыч. Для блефа пошуршал немного купюрами, делая вид, что пересчитывает.

У официанта заблестели глаза.

– Фрикассе, простите, нет. Есть каре ягненка, желаете?

– Валяй, тащи сюда свою колбасу...– голосом Карлсона сказал Домбрылыч. Катя ущипнула себя, чтоб не засмеяться в голос.

– Слушай, а хочешь я как Шэрон Стоун сейчас незаметно трусики сниму и тебе вручу?

– Это неинтересно... Давай лучше ты снимешь туфлю и ею в меня запустишь? Но промахнешься и попадешь в лысину вон тому хрычу, сидящему через три стола от нас...

– А если он полезет драться? – засмеялась Катя.

– Я его вырублю, и остаток ночи мы проведем в романтическом местечке под названием "обезьянник".

– Тогда давай сначала поедим. Я голодная...

Прикончив несколько вкусных блюд, Катя наклонилась и шепнула Домбрылычу на ухо: «Ты хотел спектакля? Ты его получишь!». Она резко встала из-за стола и начала кричать что-то по-французски, потом схватилась за горло, будто ней нечем дышать и начала медленно оседать на пол.

Домбрылычу ничего не оставалось, как включить собственную фантазию.

– Вы что, положили в каре перец??? – гневно закричал он на сбежавшихся работников ресторана, – У неё же аллергия на перец! Катрин!

Стараясь выглядеть как можно трагичнее, Домбрылыч кинулся к Кате и стал расстегивать ей пуговицы на пальто, – Дыши, дыши, дорогая!

– Может быть, с-с-с-скорую? – заикаясь от волнения, предложил кто-то из официантов.

– Какую скорую! Она гражданка Франции, мы проездом здесь... Вызывайте такси срочно, у нас ее личный врач ждёт в гостинице!

Такси подъехало прямо к парадному входу. «Умиращую» Катю положили на заднее сиденье.

– О деньгах не думайте! Все за счёт заведения! – сказал красный, как рак, администратор – У нас такое первый раз, честное слово... Вы не будете писать претензию? Нам важна репутация заведения.

– Молись, чтобы она не умерла... – добил его взглядом Домбрылыч и сел вслед за Катей, нарочито громко хлопнув автомобильной дверцей. Такси двинулось с места.

– Пьяная что ли? – спросил водитель, указывая на Катю, – Сиденье мне не заблюет?

– Опишу если только. От смеха! – ожила Катя.

От хохота Домбрылыча чуть не задребезжали стёкла.

Они катались по ночному городу около часа, пока, наконец, не остановились около планетария. Домбрылыч по всем законам романтических историй решил показать Кате звезды.

– Мы закрыты! – буркнул сонный сторож, неуклюже отворив дверь после громких стуков.

– Мы завтра утром улетаем в Германию. Лечиться от рака, понимаете? – в Катиных глазах стояли неподдельные слёзы, – Я, может, никогда этих звёзд не увижу... больше...

"Вот актриса, точно!" – подумал Домбрылыч.

– Мы одним глазком, никто не узнает... – подыграл он ей.

Сторож помялся, помялся и пустил. Показал, что и как. Куда смотреть и так далее. Катя замерла, глядя в телескоп. Домбрылыч стоял рядом, всем телом ощущая притягательную силу, исходящую от этой девушки.

– Посмотри, как красиво! – шепнула Катя, уступая ему

телескоп. Домбрылыч смотрел, но не видел. Его мысли были заняты Катей. Он улавливал её мирное дыхание рядом, её запахи, лёгкое касание её руки...

Катя всхлипнула вдруг. Домбрылыч повернулся и увидел, что она плачет.

– Эй, ты что?

– Спасибо! – Катя прижалась к нему, обняв – Я никогда не была в планетарии...

И тут Домбрылыча понесло, будто прорвало внутреннюю лавину. Его губы ловили Катины слёзы с глаз, щёк, губ... Катя не сопротивлялась, отдаваясь его поцелуям всецело, и даря свои в ответ.

Их прервал сторож, кашлянувший в темноте.

– Жалко девку... Ну-ну, не надо плакать. Авось, вылечат, не помрет.

А они уже и забыли о своём мелком вранье.

Возвращались к жилищу Домбрылыча молча и пешком. Оба предполагали неизбежный финал расставания. Одинокая пустая улица, одинокий фонарь, одинокие в душе люди, идущие рядом...

Домбрылыч вдруг остановился.

– Нет!

– Что нет?

– Ты туда не вернешься! Ты не должна работать в этой сфере! И если надо будет, я прибую этого Борзого и любого, кто тебя тронет!

– Дурак. – сказала Катя. – Не боишься в тюрьму сесть?

– Не боюсь. Я за тебя боюсь, а на себя плевать!

Катя посмотрела на него с такой нежностью, что у него сердце защемило.

– Послушай, Сказочник... Я никакая не проститутка... Я артистка. В театре играю. И Борзый там же! То есть никакой

он не Борзый, его Костя зовут, он тоже артист. Твой начальник, Федоров кажется, нам денег дал, чтобы мы...ну, это... разыграли тебя немного... Слушай, я бы все равно не стала с тобой спать... Я должна была тебя развлечь слегка, а в итоге это ты мне устроил шикарный вечер... Спасибо!

Домбрылыч пошатнулся, будто получил удар в челюсть. Недоумение и нежелание верить в только что услышанное вдруг сменилось злостью, которая вылилась в слова, полные ядовитой желчи:

– Не проститутка, говоришь? А кто ж ты тогда? За деньги... разыграть... тьфу! – он сплюнул, – А я то поверил, идиот...

Он зашагал прочь от нее быстрым шагом.

– Подожди! Сказочник! Домбрылыч! Пашааа!

Собственное имя резануло ему слух, давно его не произносили...

Он остановился и обернулся. Катя подбежала и обняла его.

– Можешь меня ненавидеть, прогнать, послать матерно...
Но давай начнём заново, а?

Потом она отстранилась и протянула ему ладонь:

– Я Катя.

А часы уже приближались к рассвету...

Начиналось утро их новой жизни.